

ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

- *Крайности поздней современности: логика культуры, ценности и идентичность*
- *Социология и ценности в свете текущего мирового кризиса*
- *Универсальные ценности и международное сотрудничество: все ли очевидно?*
- *Концепция белорусской национальной идентичности в условиях современной многовекторности развития*

УДК 316.752

Крайности поздней современности: логика культуры, ценности и идентичности*

Петер Далгрэн, доктор социологии, профессор Университета Лунда (Швеция)

В статье анализируются особенности современной культурной ситуации как ситуации «поздней современности». Основополагающим для нее является состояние неопределенности в области ценностей и идентичностей, для которого характерно противоречие между ценностями рациональной эффективности и личного смысла.

Late Modern Polarities: Cultural Logics, Values, and Identities

Peter Dahlgren, PhD in Sociology, Professor Lund University (Sweden)

Peculiarities of the cultural situation of “Late Modern” are analyzed. The state of uncertainty in the sphere of values and identities with its polarities of rational efficiency and personal meaning is explicated.

История полна неожиданностей

В известной (и обычно искажаемой) китайской поговорке говорится о сложностях, выпадающих на долю людей, живущих в интересные времена. Говоря о нашем времени, я бы назвал его не только интересным, но и сбивающим с толку: в нем обнаруживается огромное количество векторов развития, зачастую настолько противоречивых, что даже самые умудренные социальные аналитики вынуждены признать, что при всем развитии современного знания адекватное понимание настоящего остается сложной задачей. А любой успешный предсказатель будущего гарантированно получил бы богатство и известность. Конечно, наши знания позволяют ориентироваться в рутинных повседневных процессах, однако в долгосрочной перспективе будущее

остается туманным. Неопределенность будущего — на национальном, локальном и глобальном уровнях — всегда являлась условием человеческой деятельности, принимая те или иные исторические формы. Эта неопределенность ставит перед нами новые задачи.

Сегодня мы живем под влиянием последствий некоторых значительных — и, зачастую, непредвиденных — событий, которые включают в себя коллапс коммунистической системы, глобальный кризис системы капиталистической, а также новые дилеммы, касающиеся демократических форм правления. К ним следует добавить увеличение воздействия на окружающую среду, что само по себе не столь неожиданно, поскольку эти проблемы находятся на повестке дня уже десятилетия, однако наши коллективные способности по их решению едва ли значительно увеличились, о чем свидетельствуют участвовавшие сигналы об опасности.

В мои задачи не входит детальный анализ этих тем, но я хотел бы остановиться на них в качестве отправной точки для понимания нашего восприя-

* Доклад был прочитан 19 мая 2010 г. в Минске, на конференции «Социология и ценности в контексте глобального экономического кризиса», организованной Факультетом философии и социальных наук БГУ и офисом ОБСЕ в Беларуси (пер. с англ. — А. Ю. Дудчик).

тия современности. Коллапс коммунизма в СССР и Восточной Европе стал неожиданностью практически для всех, как внутри самого советского блока, так и на Западе. Это событие нанесло сильный удар по вере в способность экспертов предсказывать существенные политические изменения подобного масштаба, а также оказалось толчком, который буквально перебросил мир в новую геополитическую эпоху. Коммунистическая модель к тому времени была дискредитирована, и немногие скорбели по поводу кончины репрессивных режимов. При этом позиции западных левых, критиковавших негативные аспекты капитализма как системы, серьезно пошатнулись. Распространенными стали представления о том, что альтернатив капитализму не существует. Запад, под предводительством вашингтонских политиков, не скрывал своей радости по поводу победы. Казалось, единственное, что оставалось сделать — это перенести силы рынка и либеральной демократии в посткоммунистические страны.

Тем не менее сделать это оказалось несколько труднее, нежели предполагалось. Как капитализм, так и демократия возникали на Западе в течение длительного времени, а их развитие требовало многочисленных корректировок. И то и другое следует рассматривать как незавершенные проекты, далекие от идеального воплощения. В Восточной Европе и России распространение сил рынка в виде «шоковой терапии», несмотря на достаточно явные успехи, во многом не изменило сложившиеся структуры властных отношений. Бывшие партийные функционеры стали развивать капитализм в достаточно грубых и разрушительных формах, что привело к глубокому социальному расслоению. В результате капитал и власть сосредоточились в руках немногих, что не способствовало установлению социальной гармонии. Схожая ситуация произошла с переходом к демократии и институционализации политических партий и выборов: несмотря на несомненные положительные результаты оказалось, что установление жизнеспособной и сильной демократической системы — с демократической культурой и ценностями — чрезвычайно трудная задача, не решаемая мгновенно.

Таким образом, пока спадала волна западного энтузиазма, начинала возникать новая траектория политического развития. Начиная с 1990-х гг. в разных странах приходят к осознанию того, что у демократической системы возникли серьезные сложности. Уменьшение гражданского участия, разочарованность в политических партиях и лидерах, нарастание чувства бессилия среди граждан, ограничение возможностей для маневров элит —

все это превращает демократию в достаточно инертную и реактивную систему, в малой степени способную вдохновить на активное гражданское участие. Кроме того, увеличилась сила экономических элит как транснациональных субъектов, при этом уменьшились возможности демократического влияния на них. Сама же глобальная экономика оказалась не столь управляемой, как было принято считать, а финансовый кризис осени 2008 г. породил большое количество проблем, воскресив при этом в массовом сознании картину Великой Депрессии 1930-х. А когда ряд правительств — прежде всего американское — стал разрешать проблемы банков и других крупных финансовых институций при помощи денег налогоплательщиков в манере, отсылающей к социалистическому коллективизму, идеологическая определенность стала колебаться. Так, уменьшается популярность среди политических и экономических элит неолиберальных представлений о неконтролируемых силах рынка, способных самостоятельно определять общественное развитие. При этом значимость государственного регулирования вновь обретает легитимность.

К этому можно добавить и проблемы, связанные с экологическим кризисом. Они не ограничиваются сугубо технической необходимостью «борьбы с загрязнениями», но самым драматичным образом ставят под вопрос существование нашей цивилизации. Мир эпохи модерна движется вперед под лозунгом роста: производства, потребления, жизненных стандартов при росте населения. Подобные представления сталкиваются с осознанием того, что возможности Земли достаточно ограничены и хрупки. Траектория нашего развития обязана претерпеть определенные изменения, а поэтому следует проблематизировать при помощи «экологического дискурса» доминирующие экономические и социальные императивы.

Ценности под вопросом

Мы боремся за обращение к этим проблемам и вызовам как на глобальном, так и на национальном уровнях. Предыдущие идеологии, чьи корни находятся в XIX в., сегодня во многом кажутся неадекватными, и многие их положения должны быть пересмотрены. Даже некоторые традиционные представления из области личной морали сегодня далеко не столь однозначны. На какие ценности мы должны ориентироваться? Как нам следует жить? Что является действительно важным, а чем можно и пожертвовать? Эти и другие вопросы постоянно возникают перед нами, вызывая чувство головокружения. Например, индивидуа-

лизм постоянно превозносился. Но как это сказывается на наших обязанностях по отношению к другим? Скажем, к нашим родителям? Как следует распределить ответственность за общественную безопасность между индивидами и государством? Как распределяются сегодня обязательства между работниками и работодателями? Какой может быть современная деловая этика? Насколько тщательно следует контролировать тысячи новых химикатов, ежегодно попадающих в нашу среду обитания? До каких пределов допустимы генетические эксперименты в области питания? А в области хромосом человека?

На эти, как и на множество других вопросов, следует давать ответы как на уровне общества — правительствам, институтам, организациям — так и на уровне индивидов. Особенно это касается молодых людей, формулирующих жизненные приоритеты, которым приходится думать о новых жизненных стратегиях. В любом сообществе в любой период существует набор ценностных приоритетов в тех или иных областях (их можно называть «операциональным ценностным ядром»). При этом, конечно (к счастью), эти ценности не разделяются всеми, но по их поводу существует определенный консенсус у большинства членов сообщества, что и позволяет рассматривать их как нормативные ориентиры. Они позволяют поддерживать социальные связи и социальный порядок, создают чувство сообщества и устанавливают ценностные горизонты. Социологический анализ подобных ценностей может помочь нам лучше понять как самих себя, так и социальный мир, в котором мы живем.

Если ценности определяют наше поведение, то идентичность является важной с точки зрения наших собственных представлений о себе и о других. У каждого человека есть определенное представление о себе как индивиде, одновременно — о себе как члене различных коллективов: национальных, социальных, религиозных, этнических, культурных. Подобные индивидуальные и коллективные идентичности обычно укоренены в определенных ценностях, хотя они могут иметь, конечно, и другие измерения. Некоторые составляющие нашей идентичности оказываются более значимыми, чем другие — скажем, национальная или половая идентичности, вероятно, более значимы для нас, чем идентичности поклонника определенного музыкального исполнителя или спортивной команды. Тем не менее все идентичности оказываются важными с точки зрения влияния на наше поведение.

Далее я буду рассматривать нашу современность с точки зрения определенных изменений

в области ценностей и идентичностей. Для обозначения этих изменений я буду пользоваться термином «поздняя современность». Основные ценностные сдвиги, на мой взгляд, происходят прежде всего в областях повседневности, образования, науки и коммуникации. Мы рассмотрим, каким образом ценности и идентичности в данных областях оказываются под вопросом. Мои рассуждения будут основываться по преимуществу на западном опыте, но надеюсь, что они могут оказаться полезными и для коллег из Беларуси.

Понятие поздней современности

Говоря коротко, эпохи Возрождения и, в особенности, Просвещения породили медленные, но существенные изменения в обществе и культуре. Перенеся проблемы религии и мифологии в частную область индивидуальной веры, а также утвердив главенствующую роль науки и рациональности, «революция» Просвещения предложила оптимистическое видение современности. Человечеству казалось, что оно в состоянии управлять индивидом, природой и обществом с целью их улучшения. Действительно, сложно отрицать существенный прогресс в этих областях. Тем не менее уже с конца XIX в. возникает тема «теневой стороны» Просвещения. Так, Ницше указал на неизбежную связь нашего знания с тем или иным властными отношениями. Фрейд совершил настоящий подрыв викторианской культуры, продемонстрировав, что у нас никогда нет полного представления о себе, поскольку существуют психические силы, которые всегда остаются «за спиной» у нас, будучи неосознанными.

Еще более очевидным является тот факт, что часто наши попытки контролировать природу оказываются несостоятельными. Широко распространенной по отношению к науке и технике оказывается метафора Франкенштейна, наиболее наглядно это проявляется в области взаимодействия с окружающей средой. В социальной сфере Просвещение предполагало возможность создания правильного общественного устройства, увеличивающего свободу человека. В реальности подобные попытки привели к массовым убийствам во время войны и созданию концентрационных лагерей.

Сегодня такие авторы как З. Бауман [1; 2; 3], Э. Гидденс [9; 10] и У. Бек [4; 5] все чаще пишут о проблемном характере современного общества. Бауман использует понятие «текущего общества», в котором традиционные институты и нормативные ориентиры меняются достаточно быстро. Бек пишет об «обществе риска», подчеркивая, что мы вынуждены постоянно подсчитывать возможные

опасности и риски наших действий, при этом нет никого и ничего, на кого можно было бы положиться в этом с полной уверенностью. И, наконец, Гидденс [11] пишет о современном мире не только в терминах глобализации, но и предлагая методологическую перспективу исследования процессов структуризации. При этом он подчеркивает, что общество следует понимать не просто как абстрактную систему институций или систему отношений между индивидами. Напротив, целостность общества возникает при взаимодействии этих уровней. Поведение людей, ценности и идентичности, которых они придерживаются, — все это оказывает влияние и на уровне социальной системы. И наоборот, особенности системы проявляются и на микроуровне, на уровне взаимодействия между индивидами. И в процессе исторического развития взаимодействие между двумя этими уровнями становится все более глубоким.

Эти разнообразие тенденции объединяются понятием «поздней современности». Хотя мы все еще находимся в рамках проекта современности, во многом основывающегося на идеях Просвещения, есть основания считать, что мы достигли границ этого проекта. Ценности современности еще оказывают влияние на нас, но создается устойчивое впечатление, что их время подходит к концу. При этом мы не можем с точностью предугадать, что ждет нас после этого конца. Проблемность эпохи поздней современности как раз и заключается в том, что мы испытываем сложности как с ориентацией в текущем моменте, так и затрудняемся с выбором направления дальнейшего движения. И хотя многие теоретические прогнозы самым скандальным образом не осуществились, у нас пока нет реальной альтернативы доверию тем или иным экспертам. Сложности в самых разных областях, о которых я уже упоминал, могут быть рассмотрены как особенности достаточно длительной траектории развития эпохи поздней современности. Они значимы и сами по себе, но должны быть поняты как часть более масштабной исторической панорамы.

Не возникает сомнения в том, что состояние поздней современности таит в себе определенные угрозы и само по себе может вызывать опасения. Наши ценности перестают быть стабильными, наши идентичности — в какой-то мере менее очевидными. Мы начинаем понимать, что идентичности никогда не являются «натуральными»: они возникают в определенных исторических обстоятельствах. Иначе говоря, люди конструируют их, конструируя одновременно и самих себя, сообщество, свою культуру в некоем едином, достаточно сложном процессе. Наши ценности и идентично-

сти во многом задают наше видение мира, при этом важной проблемой является осознание этой заданности. Возможно, в этом может помочь критическая дистанция социологического анализа, делающая нас более понятными для себя.

И в этом негативные аспекты поздней современности могут неожиданно обратиться в нечто положительное. Несмотря на все опасности и недостатки Просвещения, некоторые его идеи и аспекты по-прежнему заслуживают внимания. Несмотря на ограниченность и обусловленность нашего знания (которую убедительно показал Кант), мы все же способны получать знание как о мире, так и о себе, которое можно использовать как для саморефлексии, так и в практических целях. Так и ситуация поздней современности дает нам определенные возможности переосмысления того, кем мы являемся, что важно для нас и как нам следует жить. Сейчас мы находимся между проблемным прошлым и неочевидным будущим. Всегда будут существовать определенные ограничения нашей свободы, более (связанные с социальными или национальными особенностями) или менее проявленные (связанные, скажем, с различными формами несвободы в современном обществе потребления).

В поисках точек наивысшего напряжения

Итак, я обрисовал общую картину, используя при этом технику крупных мазков. Попробуем взглянуть на некоторые вещи немного более пристально. Я хотел бы от широкого понятия поздней современности перейти к рассмотрению одной конкретной проблемы, связанной с существованием напряжения между двумя крайностями. Возможно, в моем анализе окажется некоторая тенденция к упрощению, но в данном случае риск может быть эвристически оправдан. На мой взгляд, значительное напряжение в современном обществе связано с напряженностью между областями рациональной эффективности и личного смысла. Выделение этой противоположности позволит нам получить методологический инструментарий для рассмотрения самых разных проблем современного общества и современной культуры.

Рациональная эффективность характеризуется рядом взаимосвязанных особенностей:

— значительная роль бюрократии и менеджмента, возникающая из необходимости контроля, формализации и классификации социальной реальности;

— централизация, что ведет к сосредоточению возможности принимать решения у отдельных индивидов и отражается в вертикальной организации общества;

– гомогенизация, поскольку взаимодействие с неоднородным и нетипичным затрудняет операциональность;

– разграничение реальности – проведение четких и однозначных границ с целью упрощения и повышения эффективности.

Напротив, для личных смыслов характерны:

– импровизация, нарушение привычных и рутинных шаблонов, позволяющая наделить их личным смыслом;

– децентрализация, ориентация на горизонтальные формы взаимодействия, расплывчатость ответственности и возможностей участия в повседневной жизни;

– гетерогенность и тенденции гибридизации, поскольку люди эпохи поздней современности склонны к углубленному изучению и развитию границ собственных представлений и категорий. Важную роль при этом играет фактор комбинаторики, в том числе и в области идентичностей;

– стремление к преодолению границ (в способах самовыражения, искусстве, мышлении). С точки зрения личного смысла, границы следует переосмысливать и воссоздавать заново.

Теперь обратимся к взаимодействию этих противоположных категорий в более конкретных обстоятельствах. Возможно, не сразу оказывается очевидным, что они зачастую дополняют друг друга. Не следует забывать, что процесс придания личного смысла может обладать чертами рациональной эффективности. Скажем, если мы преследуем собственные цели, наполненные личным смыслом, мы заинтересованы в хорошем функционировании транспортной системы или экономики в целом. Кроме того, многие люди могут находить личный смысл именно в выполнении определенных задач, связанных с рациональной эффективностью. Тем не менее в эпоху поздней современности напряженность между этими двумя крайностями увеличивается, что усложняет нашу жизнь, но одновременно позволяет надеяться на возможности нового и более глубокого понимания.

Следует отметить, что я не рассматриваю ни одну из этих противоположных категорий как хорошую или плохую саму по себе. И рациональная эффективность, и личный смысл являются весьма значимыми элементами культуры. Их оптимальное соотношение будет варьироваться в зависимости от разных обстоятельств. При этом тема растущего напряжения между названными элементами культуры концептуально отличается от вопросов экономики, справедливости, демократии, хотя и тесно связана с ними. Например, экономика затрагивает проблемы, связанные не

только с деньгами, но и рациональностью в целом, при этом ценности экономического роста можно противопоставить ряду других ценностей. Так, важную роль в процессе производства будут иметь вопросы качества и профессиональной гордости (область личного смысла), оказывающие влияние на логику получения выгоды. Насколько мы готовы поступиться последним ради двух первых? Универсального ответа не будет, ответ всякий раз будет зависеть от конкретных обстоятельств.

Отмечу, что приводимые мной примеры имеют цель стимуляции мышления читателя и не претендуют на полный анализ конкретных вопросов. Читатель, знакомый с работами М. Вебера и Г. Зиммеля, несомненно, обнаружит немало сходства с их идеями. Несомненно, есть большое сходство между проблемами, стоящими перед современными социологами, и темами, рассматривавшимися классиками социологической мысли.

Обсудив вопросы общей методологии, обратимся к четырем областям, где эти противоречия проявляются наиболее ярко: повседневность, образование, наука и коммуникация.

Повседневность как основа социальной реальности

За время, прошедшее после первой публикации известной работы П. Бергера и Т. Лукмана в 1960-х гг., социальный конструктивизм стал чем-то вроде социологической ортодоксии. Основной тезис хорошо известен: социальная реальность является нашим конструктом, создающимся при помощи интерпретации внешнего мира посредством наших представлений и в соответствии с нашими «ментальными картами». Большинство фреймов, задающих наше восприятие, не рассматриваются не критически. Только в случае проблемности их соотношения с внешним миром мы можем задуматься и изменить их. Восприятие реальности всегда является длящимся, диалектическим процессом. В сфере нашей повседневной жизни мы взаимодействуем с миром наиболее явным образом, развивая наши знания и ценности, формируем наши идентичности и взаимодействуем с другими людьми. Для повседневности характерно типическое, рутинное, знакомое, повторяющееся – до тех пор, пока опыт не заставит нас изменить сложившиеся стереотипы. И рациональная эффективность оказывается важным элементом повседневности – пока не вступает в противоречие с нашим опытом, затрагивающим область личных смыслов.

Повседневная жизнь включает в себя домашние и семейные дела, учебу, работу, взаимодействие

с друзьями, хобби, разные виды активности и т. д. Во всех этих областях наши действия во многом определяются нашими ценностными установками, усиливая при этом наше чувство идентичности. В этом знакомом для нас мире мы сталкиваемся со многими дилеммами, характерными для поздней современности в целом с ее системными противоречиями и неопределенностью. Скажем, в спортивных клубах, которые мы можем посещать, существует бюрократизированная система управления. При этом основной мотивацией большинства посетителей будет преимущественно удовольствие от занятий спортом или развитие своих способностей. Слишком сильная централизация в управлении грозит вступить в противоречие с этими мотивами. При желании успешного выступления в соревнованиях, вероятно, потребуются усиление рациональной эффективности в работе клуба. Для некоторых это может повлиять на их личную мотивацию в положительную сторону, другие же найдут дополнительные затраты времени и сил, а также усиление дисциплины излишними для спортивной игры. Сама игра утратит свой имманентный смысл и будет рассматриваться как средство для достижения внешних целей (например, победы). Столкновение разных ценностей в этом случае будет неизбежным.

Другой пример. В своей повседневной жизни люди реализуют, проверяют на прочность и изменяют различные компоненты собственной идентичности. Во многих уголках мира идут бурные дискуссии по поводу вопросов национальной идентичности. Что сегодня означает быть действительным членом той или иной национальной общности? Многие люди будут отдавать предпочтение традиции, основанной на стандартизации. Они будут требовать от маргинальных групп, скажем, недавно прибывших иммигрантов, адаптации к существующим критериям. Это может проявляться в самых разных сферах: языке общения, культурных традициях, кулинарии, внешнем виде, моделях поведения. Речь может идти о тех или иных формах исключения или санкциях. Эти усилия, хотя зачастую и имеющие яркую эмоциональную окраску, основываются на рациональных ценностях однородности и централизации, управления и контроля. Другие голоса могут высказываться в поддержку альтернативных или даже гибридных национальных идентичностей в случае иммигрантов, к которым также должна приспосабливаться доминирующая национальная культура. Возможны варианты поддержки национальной культуры, которая бы носила более космополитичный характер, включая в себя элементы общей глобальной идентичности. В противном случае, считают они,

национальная идентичность может приобрести черты интровертности и клаустрофобии.

Эти проблемы хорошо видны, например, в области популярной музыки как части массовой культуры. Так, многие из этнически североафриканских подростков в современной Франции увлекаются хип-хоп-культурой, читают рэп на французском или арабском, при этом тексты композиций могут быть посвящены социальным проблемам. Сама рэп-культура зародилась в городских районах США среди чернокожей молодежи. Является ли это размыванием культурной идентичности североафриканской молодежи или ее развитием? Современная молодежная одежда (джинсы, кеды, футболки с логотипами) появилась в Америке (хотя производится сегодня, в основном, в Азии). Означает ли это «американизацию» современной молодежи? Или это – составная часть общей глобальной культуры? Разрушает ли это основы национальных культур? И можно ли рассматривать национальную идентичность как константную, вневременную сущность?

Некоторые из противоречий современной повседневной жизни напрямую связаны с особенностями рациональной эффективности, которая может оказывать влияние на область личных смыслов. Сама повседневность является местом, где происходят столкновения между различными видами коллективных идентичностей, часто связанных с отношениями власти. Как осуществляется выбор в подобных ситуациях? Особенность ситуации поздней современности состоит не в том, что «хорошие» идентичности обязательно противопоставляются «плохим», но в том, что мы не можем апеллировать к их «естественным» основаниям. Несмотря на всю его сложность и непривычность, современное понимание заключается в том, что индивидуальные или коллективные индивидуальности никогда не являются природными характеристиками (скажем, не зависят от «крови»). Они являются социальными конструктами, результатами нашего выбора, которых мы не можем избежать.

Образование: каковы его цели сегодня?

Образование является частью повседневности, о которой мы говорили, при этом оно представляет собой набор институций, результат действия разных сил и определенным образом влияет на обучающихся. Можно вести речь об образовательной политике, основаниях и траектории практик, которые определяют процесс образования. Если рассмотреть положение образования на национальном уровне, мы столкнемся с очередными дилеммами поздней современности. Образователь-

ная политика ориентируется на идеалы эффективной рациональности. С бюрократической точки зрения, образовательным успехом можно считать выпуск определенного числа студентов каждый год. При этом бюджеты сокращаются, и средств становится все меньше.

Кроме того, высшее образование все более тесно связано со стратегическими целями правительства, прежде всего — с запросами рынка труда. Это не обязательно плохо, однако предполагает централизованное управление и гомогенизацию образования. Достаточно очевидна тенденция перехода контроля над содержанием курса от профессоров к управленцам. Преподаватели и исследователи все меньше принимают участие в принятии решений, а университеты все больше ориентируются на стратегию корпоративного управления.

Несомненно, поиск работы — одна из главных задач для молодых людей в начале взрослой жизни. Тем не менее далеко не всякая успешная работа требует развития способностей критического осмысления, а некоторые навыки все равно лучше развиваются в самом процессе работы. Тогда в чьих интересах делается упор на рациональной эффективности в процессе образования? Возможно, большее значение для студентов имело бы образование, позволяющее разумно изучать окружающий их мир и самих себя? Но это предполагает возможность импровизации, нарушения дисциплинарных границ, освоения гибридных форм обучения.

С неизбежностью возникает вопрос о том, какие образовательные стратегии используются в современном университете. Конечно, они самые разнообразные, но можно выделить два наиболее общих вида: ориентированные на монолог учителя и в большей степени диалогичные. Монологическое обучение однонаправленное, учитель выступает в качестве авторитета, передающего знание студенту. Основной задачей студента является чтение и слушание и, как итог, воспроизведение этого на экзамене. В диалогическом обучении акцент делается на дискуссии и, в особенности, на критическом мышлении, когда поощряется самостоятельность мышления студента, и, по крайней мере, в гуманитарных дисциплинах указывается не только один единственно верный способ рассмотрения, но подчеркивается многообразие и взаимодополнительность перспектив рассмотрения.

Разумеется, далеко не всегда диалогический подход будет лучше монологического: конкретный ответ зависит от многих обстоятельств, и, зачастую, комбинация двух подходов будет наилучшим решением. Однако отметим, что монологический подход больше соответствует идеалам эффективной рациональности. При диалогиче-

ском подходе большее значение приобретают разные формы участия, импровизации и неочевидности, позволяя в большей степени наделять деятельность личными смыслами. От преподавателя в данном случае может потребоваться внесение существенных изменений в его подход к чтению курса в сторону увеличения активности студентов и повышения роли самообразования (что может быть полезным в дальнейшей жизни).

С точки зрения образовательных институтов, ситуация выглядит гораздо проще. Тем не менее в современном мире образование не ограничивается стенами аудиторий, все большую роль играет в нем сеть Интернет. Поскольку Интернет занимает все больше времени в жизни современного подростка, его влияние с неизбежностью будет иметь мощный образовательный эффект, зачастую неожиданный или неочевидный для современных образовательных институтов. Конечно, далеко не всегда студенту могут предложить обучающий Интернет-курс. Более корректно говорить в этой связи об информации, а не о знании, но эта информация оказывает большое влияние на подростков.

Текст остается существенной частью сетевой информации, но он дополняется гипертекстуальными ссылками, фото- и видеоизображениями, а также аудиозаписями. Зачастую у пользователя есть возможность самостоятельно создавать медиа-контент (скажем, система блогов, выкладывание в сети собственных записей, социальные сети или онлайн-игры). Все это создает не только дополнительные возможности для самовыражения и самопознания, но и образует своеобразную когнитивную систему, устройство которой значительно отличается от монологической аудиторной системы. К сожалению, зачастую это оказывается непонятным для более старшего поколения преподавателей, у которых не было возможности или желания быть участниками сетей (netizens), и им приходится учиться этому у студентов. Подобный переворот является важной особенностью образования в эпоху поздней современности. Открытым остается вопрос о формах контроля и управления этим процессом: будет ли он централизованным или более личностно ориентированным. Сама проблема соединения аудиторной и виртуальной работ остается дискуссионной.

Научное исследование: для чего и для кого?

Основная функция научного исследования (как университетского, так и более специализированного) — получение нового знания. В последнее время значительно вырос интерес правительств к тем областям исследований, которые они считают наиболее полезными или необходимыми — име-

ющими конкретные приложения или значимыми с точки зрения принятия решений, т. е. рациональной эффективности. Ученым приходится вступать во все более тесное взаимодействие с заказчиками и инициаторами исследований, не принадлежащими к самому университету, а научный поиск ориентируется на запросы элит. Этому способствует система финансирования исследований государством и корпорациями через фонды: скажем, могут финансироваться только те исследования, которые в данный момент интересны заказчику.

На мой взгляд, подобный интерес к «полезным» исследованиям не особенно рационален. Конечно, зачастую исследователи сами стремятся, чтобы результат их деятельности оказал определенное влияние на общество. Тем не менее, постоянное давление на исследователя с подобной целью ведет к достаточно серьезным последствиям. Так, многие исследователи могут утратить свою первоначальную мотивацию: деятельность утрачивает смысл, когда направляется и регулируется иерархическими бюрократическими центрами, ограничивающими свободу исследования. При этом наиболее важные и перспективные, с точки зрения самого ученого, области исследования могут быть замедлены или приостановлены, что в длительной перспективе ведет к замедлению научного прогресса. Да и сам факт регулирования науки посторонними для нее людьми вызывает определенные вопросы о качестве подобных исследований.

Пока научное исследование производит новое знание, мы будем ставить вопросы: какое знание нам нужно, для кого и для чего? Общество поздней современности не в последнюю очередь обязано своими достижениями развитию науки и технологий. При этом основное внимание все в большей степени уделялось естествознанию, медицине и высокотехнологичным исследованиям. Можно отметить, что внимание к этим дисциплинам способствовало не только научно-техническому прогрессу, но и развило технократический взгляд на общество, предполагающий научно-технический же подход к решению общественных проблем. Скажем, при планировании городского строительства возможно невнимание к социальным и культурным аспектам человеческого существования, что ведет к возникновению социальных проблем и напряженности. Или, другой случай, использование научно-технических достижений будет осуществляться вне зависимости от возможных негативных последствий, особенно для окружающей среды. Возникающие новые проблемы будут рассматриваться как очередные технические проблемы, требующие технократических решений. При этом сторонники подобного подхода

будут говорить о рисках, неизбежных в современном мире.

Несомненно, особенностью технократического подхода является сведение или замещение социального – техническим, а проблемы личного выбора – техническими подсчетами. Достаточно часто в поздней современности мы можем наблюдать ситуации, когда ученые, исследователи, инженеры оказывают влияние на принятие решений в недемократической манере, руководствуясь идеалами эффективной рациональности. Не удивительно, что исследованиям в областях естествознания, медицины и высоких технологий уделяется больше внимания (с точки зрения финансирования и престижа), чем социальным, не говоря о гуманитарных, дисциплинам. Ирония заключается в том, что социогуманитарные науки более адекватны при рассмотрении вопросов об обществе, ценностях и целях, смысле нашего существования.

В области научных исследований все больше проявляются неоднозначные результаты управленческого подхода, стремящегося получить конкретные ответы на достаточно специфические вопросы. Вероятно, необходимо изменение отношения к процессу исследования, который сам по себе является творческим и непредопределенным. Более того, в процессе диалога между различными отраслями знания в публичной сфере голос социогуманитарных дисциплин должен звучать громче. Конечно, в ситуации поздней современности существует большое количество актуальных технических проблем, но не менее значимыми являются и серьезные социогуманитарные исследования, изучающие человеческое измерение проблем нашего времени.

Коммуникация: системное рассмотрение

Значимость опосредованной коммуникации для современного мира очевидна. Ни высокая, ни поздняя стадии современности не были бы достижимы без нее. Опосредованная коммуникация – и выражение, и манифестация современного мира, и ключевой фактор его дальнейшего развития. Сначала – в виде прессы, далее – в виде фильмов, радио и телевидения, однонаправленная массовая коммуникация играла определяющую роль в формировании индивида и общества, как на национальном, так и на глобальном уровнях. Пресса формировала социальную, политическую и экономическую жизнь, интегрируя в них и образованного индивида. Фильмы и передачи поставляли нам информацию, развлечения и, не в последнюю очередь, иллюзии. Масс-медиа выступали в качестве основных агентов гомогенизации и ин-

теграции. Эпоха Интернета (в данном случае мы говорим об Интернете в широком смысле, включающем все многообразие форм интерактивной, цифровой, мобильной, мультимедийной коммуникации, которые доступны и понятны для большинства пользователей) существенно меняет ситуацию. То обстоятельство, что и масс-медиа в значительной мере переместились в сеть, образует новый информационный ландшафт, с новой социальной экологией, что и позволяет говорить о «коммуникативной системе эпохи поздней современности».

Одним из существенных различий между предыдущими формами массовой коммуникации и Интернет-коммуникацией (вне зависимости от их технических особенностей) является степень централизации. Массовая коммуникация традиционно базировалась на модели «от одного ко многим» (когда в качестве одного выступала сама газета, компания или даже государство). Одно и то же сообщение достигало всей аудитории, и отправитель располагал существенным контролем над информационной ситуацией. Интернет, первоначально разработанный для нужд американских военных, по стратегическим соображениям не стремился к обретению единого центра. Растущая во всем мире популярность Интернета с середины 1990-х гг., произведшая революцию в способах индивидуальной, групповой, организационной, институциональной коммуникации, лишь усилила этот аспект.

Проще всего рассматривать сугубо информационную составляющую появления Интернета с точки зрения рациональной эффективности — как более массовый и эффективный способ передачи информационных сообщений. С другой стороны, тот же Э. Кастельс отмечает и существенные трансформации в общественных отношениях, наблюдаемые с конца 1990-х гг. Так, во многих местах организационная культура стала более «ровной», менее вертикальной и более горизонтальной. К новой ситуации быстро адаптировались рекламодатели (несмотря на все усилия пользователей избежать навязчивой рекламы). В области политики правительства в меньшей степени оказываются способными контролировать информационные потоки (несмотря на попытки Китая, Пакистана, Ирана усиливать подобный контроль, простые и недорогие технологии позволяют людям получать информацию из разных источников).

Новые технологии позволяют каждому быть как получателем, так и отправителем информации, что звучит весьма ободряюще с демократической точки зрения. Более продвинутые формы медиа

эпохи поздней современности (связанные с социальными сетями, блогами, мультимедийными ресурсами) позволяют пользователю не только потреблять, но и создавать собственные культурные артефакты. Это, например, нанесло существенный удар глобальной музыкальной индустрии, радикально изменив ее «логику оперативности». Это породило целую волну социальных движений, базирующихся на идеях и ценностях, направленных против копирайта (шведская Партия пиратов даже получила представительство в Европарламенте). Отметим, что подобные движения беспокоят многих людей, поскольку собственность является одной из основ капитализма.

Несомненно, с аксиологической точки зрения, интересна предоставляемая Интернетом возможность общего участия для большого количества людей, что и позволяет говорить о его демократическом характере. Действительно, индивид получает в свое распоряжение практически бесконечный универсум, предоставляющий широкие возможности, как технологической коммуникации, так и самостоятельного культурного производства — что немаловажно с точки зрения создания индивидуальных смыслов. С точки зрения рациональной эффективности, возникает необходимость ориентироваться в потоках информации, избегая опасности потонуть в ней. Тем не менее, несмотря на то, что, скажем, возникает опасность Интернет-зависимости, в целом, авансы, выдаваемые Интернету, имеют под собой основания. Так, в области политики (как традиционной, связанной с выборами, так и экста-парламентской) и публичной жизни, несмотря на их сильную зависимость от масс-медиа, увеличивается роль «горизонтального» влияния и участия. Как в демократических, так и в авторитарных обществах важную роль могут играть дебаты и публичные обсуждения.

Мы начали с достаточно очевидного противопоставления рациональной эффективности и централизации с одной стороны, и, с другой — децентрализации и участия, тесно связанных с областью личных смыслов, которые создаются не только в области политики, но и в широкой социокультурной области. Конечно, противопоставление контроля и свободы выглядит излишне простым, однако не оно было основной нашей целью.

Наиболее значительная коммуникационная революция в истории человечества, затронув проблему фундаментальных ценностей, вновь указала на наличие противоречий в этой области.

Конечно, зачастую призывы к усилению контроля в Интернете связаны с теми или иными частными интересами: например, предпринимателей,

стремящихся обезопасить свое дело от виртуальных угроз. С другой стороны, правительство пытается обеспечить безопасность своих граждан от клеветы, ложной информации, террористических угроз, порнографии, ограничивая при этом свободу слова. Сами пользователи на своем горьком опыте осознают, что далеко не всегда можно доверять информации в Интернете, равно как и другим пользователям. Поэтому вопросы: кто, как и с какими целями должен осуществлять контроль за Интернетом до сих пор остаются открытыми. Отметим, что здесь возникает противоречие между ограниченным характером национального законодательства и глобальным характером самой Сети.

Решение этих проблем предполагает разрешение и аксиологических трудностей. Так, надо решить, настолько ли ценной для нас является свобода самовыражения и какие риски мы готовы допустить для реализации этой свободы. При этом следует учитывать, что эти риски могут поставить под вопрос целостность индивидов, групп, наций, принятых в обществе моральных ценностей и т. д. Или, возможно, более ценной для нас является безопасность, для сохранения которой мы готовы ограничить свободу самовыражения? Сохранится ли при этом демократическая вера в позитивность свободного выбора большинства? Далее, следует отдавать себе отчет, что в возникшем киберпространстве любое наше действие (от использования кредитной карты до отправки сообщения в Твиттере) может быть использовано сторонними силами с самыми разными целями. Скажем, компании заинтересованы в извлечении максимальной прибыли из пользования теми или иными услугами. Не следует забывать и о политических аспектах, скажем, правительство может захотеть контролировать коммуникацию своих граждан. Так где следует провести линию? Какие ценности в итоге возобладают? Все эти вопросы следует ставить, тщательно обдумывать и обсуждать, не забывая при этом, что технические возможности для коммуникации возрастают.

Создавая собственную (личную) историю

Мир поздней современности зачастую вызывает чувство головокружения [12], возникающее от разбалансированности всякий раз, когда мы пытаемся продвинуться вперед. Драматизма добав-

ляет и то, что в соответствии с усиливающейся неопределенностью нашего времени мы ставим под сомнение ценности, ранее казавшиеся неоспоримыми. Впрочем, как уже упоминалось ранее, современность предлагает нам и новые возможности. Поскольку очевидности прошлого трещат по швам, нам необходимо найти ресурсы для переосмысления социальной политики и индивидуальных стратегий. Конечно, трудно жить при отсутствии убежденности, и нам необходимо быть аккуратными при попытках создания новой убежденности. Искусство жизни в эпоху поздней современности, как напоминает нам З. Бауман, предполагает культивирование терпимости к неясностям, осознание ограниченности наших представлений и даже относительный характер наших ценностей. Впрочем, у нас уже нет другого выбора. И хотя попытки изменить все общество могут показаться обескураживающими, мы можем попытаться начать с изменения себя, наших жизненных целей, как с точки зрения личного смысла, так и рациональной эффективности.

Список цитированных источников

1. *Bauman, Z. Globalization. The Human Consequences / Zygmunt Bauman. — New York, 2000.*
2. *Bauman, Z. Liquid Modernity / Zygmunt Bauman. — Cambridge, 2000.*
3. *Bauman, Z. Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty / Zygmunt Bauman. — Cambridge, 2007.*
4. *Beck, U. Risk Society: Towards a New Modernity / Ulrich Beck. — London, 1992.*
5. *Beck, U. World at Risk / Ulrich Beck. — Cambridge, 2008.*
6. *Berger, P. The Social Construction of Reality / Peter Berger, Thomas Luckmann. — London, 1991.*
7. *Castells, M. The Power of Identity / Manuel Castells. — London, 1998.*
8. *Castells, M. The Rise of the Network Society / Manuel Castells. — 2nd ed. — Oxford, 2000.*
9. *Giddens, A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / Anthony Giddens. — Cambridge, 1991.*
10. *Giddens, A. Runaway World. How Globalization is Reshaping Our Lives / Anthony Giddens. — London, 2002.*
11. *Giddens, A. The Constitution of Society: Outline of a Theory of Structuration / Anthony Giddens. — Cambridge, 1986.*
12. *Young, J. The Vertigo of Late Modernity / Jock Young. — London, 2007.*

Дата поступления статьи в редакцию: 21.05.2010 г.